

ПЕРВЫЙ МАТЧ,

или Свиной пузырь
как исторический аргумент

— Сергей Диковинный —

Сергей Диковинный

**Первый матч, или Свиной пузырь
как исторический аргумент**

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Первый матч, или Свиной пузырь как исторический аргумент /
С. В. Диковинный — «Автор», 2026

История футбола богата и увлекательна. В этой книге мы проследим её от древних времён до современности. Точнее — до 1870 года. Точнее — до заснеженного пустого поля в Лондоне, где ничего не происходило. Уильям Уоллес кинул свиной мочевой пузырь через Вал Адриана. Английский крестьянин пнул его обратно. Чарльз Алкок записал в блокнот правило, которое придумал мальчик из будущего. А кот-мореход просто сидел сбоку, потому что ему было всё равно. Он ошибался. Он всегда всё знал. И теперь, спустя полторы сотни лет, вы наконец узнаете, что именно он скрывал. Историческая комедия для тех, кто думает, что знает историю футбола. Спойлер: не знает.

© Диковинный С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Свиной пузырь как исторический аргумент	5
Глава 2. Мороз, «Овал» и подозрительный тип с блокнотом	9
Глава 3. Как Лёха стал соавтором футбольных правил (и не заметил этого)	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сергей Диковинный

Первый матч, или Свиной пузырь как исторический аргумент

Глава 1. Свиной пузырь как исторический аргумент

Всё началось с того, что Лёха вломился в штаб-квартиру отряда с видом человека, который либо нашёл клад, либо только что избежал смертельной опасности, либо и то и другое одновременно.

— Футбол, — объявил он с порога. — Мы идём на первый в истории футбольный матч.

Алиса медленно отложила блокнот, в котором рисовала схему своего следующего гениального плана (на этот раз — прыжок в момент изобретения колеса; идея зрела уже неделю), и посмотрела на Лёху так, как смотрят на человека, который только что выиграл в лотерею, но по ошибке купил не тот билет.

— Прости, что? — переспросила она ледяным тоном.

— Футбол, — повторил Лёха, плюхаясь на диван рядом с котом. Кот-мореход, сидевший в позе «я вас всех ненавижу, но продолжаю слушать», лениво приоткрыл один глаз, оценил ситуацию и снова его закрыл.

— Я знаю, что такое футбол, — отрезала Алиса. — Я не понимаю, почему эту идею принёс ты.

— Потому что она моя, — Лёха пожал плечами с обезоруживающей наглостью. — Вот прямо сейчас пришла. Лежал, смотрел в потолок, думал: а в чём вообще смысл? И тут — бац! Футбол.

— У меня, — Алиса подняла палец, — есть три готовых концепта в разработке. Колесо. Пизанская башня, причём в момент, когда её только начали наклонять. И...

— Слушай, ну колесо это скучно, — перебил Лёха. — Колесо и так придумали. А футбол — это культура. Это объединяет миллионы. Это...

— Ты сейчас пересказываешь статью из интернета? — подала голос Соня из угла, где она сидела с чашкой кофе и выражением лица человека, который давно понял, что этот цирк не остановить, но кофе всё ещё хорош.

— Статью я прочитал, — не стал отпираться Лёха. — Но это не отменяет сути.

— А в чём суть? — спросил Макс, до этого молча изучавший карту местности на стене. Он говорил негромко, но все замолчали, потому что Макс никогда не спрашивал просто так. Если Макс задаёт вопрос — значит, он уже прикидывает план отхода.

— Суть в том, — Лёха встал и начал расхаживать по комнате, как лектор, — что первый международный матч в истории состоялся в 1870 году. Англия против Шотландии. Пять матчей на «Овале». Первый — 5 марта, отложили на две недели из-за мороза. По прессе, там впервые поменялись сторонами после перерыва. И...

— Стоп, — Егор, до этого молчавший в своём кресле с книгой, медленно закрыл её. — Откуда у тебя эта информация?

— Из интернета.

— Это я спрашивал, — Егор поправил очки. — Откуда конкретно из интернета?

Лёха замялся.

— Ну... статья была. Про историю футбола.

— Статья, — повторил Егор ледяным тоном. — Про историю футбола. Написанная, скорее всего, копирайтером, который три часа гуглил. И на основании этой статьи ты собрался прыгать в прошлое.

— Есть ещё версия про Уильяма Уоллеса и свиной мочевой пузырь! — выпалил Лёха, и это, кажется, было его роковой ошибкой.

Тишина повисла такая, что стало слышно, как где-то капает вода.

— Какой... — начал Егор, снимая очки и протирая их со скоростью, которая у него всегда означала крайнюю степень раздражения, — мочевой... пузырь?

— Свиной! — Лёха, судя по всему, решил, что сейчас его час. — Историки шутят, что первый футбольный матч между соседями прошёл, когда Уоллес кинул свиной мочевой пузырь через Вал Адриана, а английский крестьянин пнул его обратно! Представляешь? Вот это я понимаю — история!

— Историки, — процедил Егор, — шутят. Ты понимаешь, что ты только что сказал? Историки. Шутят. Это значит, что учёные, которые всю жизнь изучают документы, в глаза не видели никакого подтверждения, что это было, но нашли формулировку настолько смешную, что решили пошутить в примечаниях. А ты собрался туда прыгать.

— Ну и что? — Лёха беззаботно махнул рукой. — Мы всё равно прыгнем и посмотрим.

— Куда прыгнем? — уточнил Макс всё тем же ровным тоном.

— К Вала Адриана. В тринадцатый век.

— Ты хоть знаешь, где это? — Макс поднял бровь.

— Ну... на севере Англии где-то. Там стена.

— Вал Адриана, — Макс отложил карту и повернулся, — это уже проблема. Стена есть. Но к ней нужно подойти с правильной стороны в правильное время, иначе мы либо наткнёмся на римский патруль — а в тринадцатом веке там уже не римляне, а шотландцы, — либо на английский отряд, либо на местных, которые в лучшем случае удивятся, а в худшем — решат, что мы и есть этот самый мочевого пузырь.

— Кстати, о пузыре, — Соня поставила чашку и откинулась в кресле. — Вы хотите отправиться в тринадцатый век. В Шотландию. Зимой. Чтобы посмотреть на игру, в которой, скорее всего, не было правил, а была толпа разъярённых мужиков, которые пинают друг друга и всё, что под ноги попадёт. Я правильно понимаю?

— Ну да, — Лёха впервые за весь разговор слегка сбавил обороты.

— Прекрасно. Мне нравится. Только один вопрос: почему я в этой команде? — Соня обвела всех взглядом. — Я ведь даже не люблю футбол.

— А кто его любит? — отозвался Кот-мореход с дивана, не открывая глаз. — Я вот смотрю на всё это и думаю: а ведь в моё время тоже были дураки. Собирались толпой, пинали что попало, называли это игрой. А потом один из них подскользнулся, упал в Темзу, и все решили, что это была трагедия. На самом деле это был отбор.

— Кот, — Алиса повернулась к нему, — ты хочешь сказать, ты видел первый футбольный матч?

Кот приоткрыл один глаз, посмотрел на неё с выражением, которое можно было бы описать как «ну конечно, я видел. И что?», и снова его закрыл.

— Я много чего видел, — сказал он. — Мне вообще всё равно. Я в ворота не встану. Я в них лягу.

— Так, стоп, — Алиса встала. — Я не давала согласия на этот проект.

— А голосование? — оживился Лёха.

— Какое голосование? — Алиса прищурилась.

— Демократическое. Кто за первый футбольный матч?

Лёха поднял руку. Все посмотрели на Егора.

Егор посидел, подумал, погладил подбородок и медленно поднял руку.

— Понимаешь, — сказал он, когда все уставились на него с изумлением, — с точки зрения науки и исторического метода, это катастрофа. Но с точки зрения того, что мы всё равно прыгнем куда-нибудь, потому что Алиса уже неделю не может усидеть на месте... — он посмотрел на Алису, — я предпочту прыгнуть туда, где хотя бы есть версия. Пусть даже шуточная.

— Предатель, — прошипела Алиса.

— Реалист, — поправил Егор. — К тому же если мы попадём в тринадцатый век, я хотя бы смогу выяснить, существовал ли на самом деле этот пузырь. Мне лично никогда не давал покоя этот вопрос.

— Тебе не давал покоя свиной пузырь? — уточнила Соня.

— У меня много вопросов, — сухо ответил Егор.

Макс, всё это время молчавший, наконец высказался:

— За. При одном условии.

— Каком? — спросил Лёха.

— Мы сначала прыгаем в 1870 год. В Лондон. На «Овал». Смотрим матч там. Это цивилизация, там трибуны, там всё понятно. Потом, если вам всё ещё захочется, — Макс поднял руку, — и только потом мы прыгаем в тринадцатый век.

— О, — Лёха прищурился. — А это идея.

— Я гений, — согласился Макс. — И потом, у нас будет план отхода сразу на две локации. Мне не нравится идея отходить из-под натиска шотландского клана. Я хочу иметь запасной вариант.

— А кто в воротах? — вдруг спросил Лёха.

Все посмотрели на кота.

Кот открыл оба глаза, оглядел собравшихся, вздохнул так, что зазвенела чашка на столе, и произнёс:

— Всё. Ухожу. Серьёзно. В следующий раз — без меня. Я в рыбаки. Как в 940-м году. Тогда тоже была команда, и что? — Он повернулся и пошёл к выходу, задрав хвост.

— Кот, ну погоди, — Лёха вскочил. — Мы же не можем без тебя!

— Можете, — не оборачиваясь, ответил кот. — Вы всё можете. Вы вон в футбол играть собрались в тринадцатом веке. Вы, я смотрю, вообще неограниченны.

И вышел.

Пауза.

— Он вернётся, — сказала Соня спокойно.

— Конечно, вернётся, — кивнул Макс. — Он всегда возвращается. Он просто любит драму.

— Так, — Алиса хлопнула в ладоши. — Значит, так. Я всё ещё против. Но раз уж мы всё равно идём, я хочу официально зафиксировать: идея была не моя. Я не несу ответственности за последствия.

— Несёшь, — хором сказали Лёха, Егор и Макс.

Алиса вздохнула, посмотрела на закрытую дверь, за которой скрылся кот, и произнесла с самым обречённым видом, на который была способна:

— Готовьтесь. Прыгаем в Лондон, 1870 год.

Через два часа

Кот вернулся. Он вошёл в комнату, ни на кого не глядя, прошёл к своему месту на диване, улёгся, свернулся клубком и сказал в пространство:

— Но в воротах я стою. Играйте.

И замолчал.

Лёха улыбнулся. Алиса закатила глаза. Соня допила кофе. Егор достал блокнот и начал писать список вопросов, которые он задаст, если найдёт подтверждение существования свиного пузыря.

Никто не знал, что уже через сутки этот список ему очень пригодится. И что ответ на главный вопрос — про пузырь — окажется куда более буквальным, чем кто-либо мог предположить.

Глава 2. Мороз, «Овал» и подозрительный тип с блокнотом

Прыжок в прошлое — штука простая. Технически. Технически это как нырнуть в холодную воду: задержал дыхание, шагнул, и всё. Проблема была не в технике. Проблема была в том, что Макс в последний момент успел крикнуть: «Только не растеряйтесь!» — и это, конечно, стало пророчеством.

Они растерялись.

Точнее, растерялся Лёха. Остальные просто оказались в другом месте, а Лёха оказался в том же самом месте, но на две секунды позже, и эти две секунды ушли на то, чтобы понять, что он стоит не в Лондоне 1870 года, а по колено в снегу посреди какого-то поля, где ветер дул прямо в лицо с той безжалостностью, на которую способен только мартовский ветер, не знающий, что по календарю уже должна быть весна.

— Мы не в Лондоне, — сказал Лёха вслух. — То есть мы не на «Овале»?

— Мы на «Овале», — раздался голос Макса откуда-то слева. — Просто «Овал» — это сейчас не стадион. Это поле.

Они стояли на огромном замёрзшем пустыре, засыпанном снегом, по которому ветер гнал мелкую ледяную крупу. Справа угадывались очертания каких-то построек — тёмные, приземистые, скорее похожие на склады, чем на трибуны. Слева темнела полоска деревьев. Впереди, если приглядеться, кто-то ходил. Несколько фигур. В длинных пальто. С зонтами. С крайне недовольными лицами.

— Это не может быть «Овал», — сказала Алиса, натягивая воротник повыше. — Это поле. Тут даже лавок нет.

— В 1870 году трибун ещё не было, — Егор уже стоял рядом, поправив шапку, и выглядел подозрительно довольным. — «Овал» тогда был просто арендованным крикетным полем. Трибуны построят позже. А сейчас это...

— Поле, — закончила Соня, кутаясь в шарф. — Спасибо, Егор. Ты только что произнёс то, что мы и так видим. Можешь теперь рассказать, почему никого не предупредил, что тут будет минус пятнадцать?

— Я предупреждал, — Егор невозмутимо поправил очки. — Я говорил, что 5 марта 1870-го матч отложили на две недели из-за мороза, потому что поле было «опасно непригодно для игры». Это прямая цитата из прессы. Кто-нибудь слушал?

Все дружно промолчали. Лёха смотрел вдаль и шурился.

— Так, — сказал он. — Значит, если матч отложили... то сейчас тут никого и не должно быть?

— Именно, — кивнул Егор. — Мы пришли на две недели раньше. До матча. Поле пустое.

— Отлично, — Лёха поёжился. — Просто отлично. Мы прыгнули в прошлое, чтобы посмотреть, как люди смотрят на пустое поле.

— Ну, не совсем, — Егор кивнул в сторону фигур, которые ходили по полю. — Вон там кто-то есть. И, если я не ошибаюсь, они размечают поле. Возможно, это как раз подготовка. Значит, матч не отменён — просто не сегодня.

— То есть мы всё-таки попали, — оживился Лёха. — Просто в день, когда ещё ничего не происходит.

— Поздравляю, — сказала Соня. — Ты только что изобрёл худший вид путешествия во времени. Приехать на два дня раньше.

Кот-мореход, всё это время сидевший в снегу с видом «я тут не по своей воле», поднял голову и произнёс:

— Я смотрю, вы все освоились. Никто не спросил у меня, а где, собственно, мы находимся. Я, между прочим, тут уже был. В прошлый раз. Тогда тут было теплее.

Все повернулись к нему.

— Ты был здесь? — уточнил Макс.

— Я много где был, — кот поднялся, отряхнулся и неторопливо пошёл в сторону фигур. — Идите за мной. Если уж мы тут, надо хотя бы посмотреть, чем заняты эти люди. А то стойте, как три тополя на Плющихе. Только теплее оденьтесь. Ветер с реки.

Фигуры вдалеке действительно оказались заняты делом. Пятеро мужчин в тяжёлых пальто и цилиндрах ходили по размеченному снегу, время от времени останавливаясь и что-то обсуждая. Один из них — невысокий, в клетчатом шарфе и с блокнотом — стоял отдельно и что-то записывал, время от времени поглядывая на небо.

— О, — Егор вдруг замер на месте. — Это он.

— Кто «он»? — спросила Алиса.

— Чарльз Алкок, — Егор понизил голос до шёпота. — «Отец современного спорта». Организатор Футбольной ассоциации. Создатель Кубка Англии. Тот самый, кто придумал первый международный матч. Он сейчас стоит там и, судя по всему, организует перенос матча на две недели вперёд.

— А откуда ты знаешь, как он выглядит? — прищурилась Соня.

— По портретам, — Егор пожал плечами. — Их много. Он был знаменит. И ещё он...
— Егор вдруг замолчал.

— Что? — Лёха подтолкнул его локтем.

— Ничего, — Егор покачал головой, но взгляд у него стал странным. — Просто... я не думал, что он на самом деле будет здесь. Я имею в виду — на этом поле. В этот день.

— Ты что-то недоговариваешь, — сказала Алиса.

— Я никогда не договариваю, — ответил Егор с достоинством. — Я просто констатирую факты.

Фигуры вдалеке начали расходиться. Человек с блокнотом — Алкок — что-то крикнул одному из них, тот махнул рукой, и компания двинулась к постройкам.

— Уходят, — сказал Лёха. — Пойдём за ними.

— погоди, — Макс схватил его за рукав. — Ты хочешь пойти за Чарльзом Алкоком. В 1870 год. В Лондоне. В снег. Без плана.

— У нас есть план, — Лёха кивнул на Егора. — Он знает, кто это. Значит, мы можем с ним поговорить.

— О чём? — Макс прищурился.

— О пузыре, — Лёха широко улыбнулся.

Пауза.

— О свином пузыре, — уточнила Соня. — Ты хочешь подойти к «отцу современного спорта» и спросить у него про свиной пузырь.

— А почему нет? — Лёха уже шагнул вперёд. — Если кто и знает, так это он.

И тут кот, который до этого молча шёл рядом, вдруг остановился.

— Стойте, — сказал он. Голос у него был не ворчливый, а ровный. — Не сейчас. Сначала посмотрите на небо.

Все подняли головы. Небо на западе потемнело. От реки ползла низкая серая полоса.

— Снег, — сказал Макс. — Через двадцать минут начнётся.

— Не снег, — кот покачал головой. — Хуже. Пурга. Я видел такую. В девятьсот сороковом. Тогда тоже вот так же натянуло с Темзы, и мы трое суток сидели в лодке. Если вы не хотите провести ночь в 1870 году в сугробе, надо идти к постройкам. Немедленно.

Лёха посмотрел на удаляющиеся фигуры. Посмотрел на небо. Посмотрел на кота.

— Ладно, — сказал он. — Идём к постройкам. Но завтра я с ним поговорю.

— Завтра, — согласился кот. — Если утром вы все не превратитесь в сосульки. Идёмте.

Они пошли в сторону приземистых строений, оставляя за спиной пустое заснеженное поле — будущий «Овал», на котором через две недели, по версии историков, должен был состояться первый в истории международный футбольный матч.

Никто не обратил внимания, что человек с блокнотом — Чарльз Алкок — на секунду остановился, обернулся и посмотрел им вслед. И что-то быстро записал.

Глава 3. Как Лёха стал соавтором футбольных правил (и не заметил этого)

Ночь в 1870 году прошла на удивление спокойно. Постройки, к которым их вывел кот, оказались чем-то средним между сараем и помещением для хранения крикетного инвентаря. Внутри пахло сеном, пылью и старым деревом. Было холодно, но не смертельно. Макс нашёл в углу несколько плотных брезентовых чехлов, которые они использовали как одеяла, и к утру отряд представлял собой пять человеческих фигур и одного кота, закутанных в крикетное имущество с видом людей, переживших кораблекрушение.

Соня проснулась первой, села, огляделась и произнесла с чувством:

— Я хочу домой.

— Все хотят, — отозвался Макс из угла. Он не спал. Он вообще, кажется, никогда не спал. — Но у нас дело.

— Какое дело? — Соня подняла бровь. — Посмотреть на пустое поле?

— Поговорить с Алкоком, — Лёха проснулся мгновенно, как будто всю ночь ждал этих слов. — Про пузырь.

— Ты не забыл, — вздохнула Соня.

— Я никогда не забываю про пузыри, — Лёха встал и потянулся, отчего брезент свалился с него на пол. — Это, можно сказать, мой девиз.

— У тебя есть девиз? — уточнил Егор, вылезая из-под своего чехла с блокнотом, который он, судя по всему, держал под головой всю ночь.

— Теперь есть.

Они вышли наружу.

Утро было морозным, но ясным. Снег за ночь выпал ровно, и поле — то самое будущее поле «Овала» — лежало перед ними гладкое, белое, нетронутое. Вдалеке, у построек, уже ходили люди. Пар изо рта. Цилиндры. Пальто. Англия.

— Итак, — Макс оглядел местность, — план. Мы не геройствуем. Мы не привлекаем внимания. Мы подходим к Алкоку, задаём один вопрос, получаем ответ и уходим. Всё. Максимум пятнадцать минут.

— А если он не захочет отвечать? — спросила Алиса.

— Тогда мы уходим, — Макс посмотрел на неё. — И не спорим.

— А если он ответит? — Лёха уже пританцовывал от нетерпения.

— Тогда мы тем более уходим, — Макс вздохнул. — Ты понимаешь, что мы, вообще-то, не должны здесь быть? В смысле — нас здесь не должно существовать. Если мы оставим след, мы можем что-то изменить.

— Да ладно, — Лёха махнул рукой. — Что мы можем изменить? Задали вопрос — ушли. Никто и не заметит.

Кот, сидевший на пороге с видом «я всё это уже видел», приоткрыл один глаз и произнёс:

— Заметит. Всегда кто-нибудь замечает. В девятьсот сороковом я один раз всего лишь мимо проплыл, а потом три года пришлось объяснять, откуда в Темзе взялся говорящий кот.

— Ты умеешь говорить? — удивился Лёха.

— Я вообще-то с вами разговариваю, — отозвался кот. — Уже два дня. Ты только сейчас заметил?

— Так, — вмешался Макс. — Идём. Алкок вон там, у ворот. Судя по блокноту, он опять что-то записывает.

Действительно, Чарльз Алкок стоял у входа на поле и разговаривал с двумя мужчинами. Блокнот был у него в руках. Он что-то чертил, показывал, объяснял. Мужчины кивали. Потом разошлись, и Алкок остался один.

— Сейчас, — Лёха шагнул вперёд.

— Лёха, стой... — начала Алиса.

Но Лёха уже шёл. Широким, уверенным шагом человека, который знает, что делает. Правда, шаг был слегка неуверенный, потому что ноги скользили по снегу, но это не считалось.

— Мистер Алкок? — окликнул он, подойдя ближе.

Чарльз Алкок обернулся. У него было узкое лицо, внимательные тёмные глаза и усы, которые, кажется, жили собственной жизнью. Он оглядел Лёху с головы до ног — от растрёпанных волос до мокрых ботинок — и вежливо наклонил голову.

— Да. Чем могу быть полезен?

— У меня вопрос, — Лёха замер, как будто забыл, какой именно вопрос он хотел задать. Потом вспомнил. — Про свиной мочевой пузырь.

Пауза.

Алкок прищурился.

— Про что?

— Про свиной мочевой пузырь, — повторил Лёха с интонацией человека, который уверен, что его собеседник просто не расслышал. — Ну, тот самый. Который Уильям Уоллес кинул через Вал Адриана. А английский крестьянин пнул обратно. Первый футбольный матч.

Алкок молчал. Смотрел на Лёху. Потом на его одежду. Потом снова на лицо.

— Молодой человек, — сказал он наконец, — вы, простите, откуда?

— Из... — Лёха запнулся. — Из будущего. То есть издалека. То есть из Шотландии.

— Из Шотландии, — повторил Алкок, и в его глазах мелькнуло что-то, очень похожее на профессиональный интерес. — Забавно. Мы как раз на следующей неделе играем против шотландцев. Первый международный матч. И вот вы здесь, из Шотландии. Со свиным пузырём. — Он прищурился. — Это ведь не совпадение, верно?

Лёха открыл рот, чтобы ответить, но за спиной раздалось покашливание. Егор.

— Мистер Алкок, — сказал он, выходя вперёд, — вы позволите?

Алкок перевёл взгляд на Егора. Оценил. Судя по всему, очки Егора произвели на него благоприятное впечатление.

— Вы, очевидно, человек образованный, — сказал Алкок. — В отличие от вашего друга.

— Мы все очень образованные, — поспешила вставить Алиса, тоже подходя. — Просто Лёха иногда...

— ...формулирует неточно, — закончила Соня с каменным лицом.

Макс стоял чуть в стороне. Он не вмешивался. Но взгляд его был прикован к воротам, у которых виднелись ещё люди. Словно проверял пути отхода.

— Прошу прощения за моего друга, — продолжил Егор. — Он хотел спросить не про пузырь. Он хотел спросить о правилах. О первых правилах. В частности, о том, откуда возникло правило обмена сторонами после перерыва.

Алкок внимательно посмотрел на него. Потом на Лёху. Потом снова на Егора. И вдруг улыбнулся — коротко, но искренне.

— Про обмен сторонами, — повторил он. — Это интересный вопрос. Откуда у вас такая осведомлённость?

— Мы много читаем, — учтиво ответил Егор.

— Это заметно, — Алкок кивнул. — Хорошо. Объясню. Обмен сторонами после перерыва — мера временная. Она нужна не для игры. Она нужна для честности. Мы заметили, что к концу первого тайма одна из команд всегда оказывается в менее выгодном положении из-за ветра и солнца. Англичане с юга, шотландцы с севера... — он развёл руками. — Мы просто хотим, чтобы у всех были равные шансы.

— Это... разумно, — признал Егор.

— Мы вообще стараемся быть разумными, — Алкок посмотрел на него с одобрением. — Это, знаете ли, не всегда получается, но мы стараемся.

— А про пузырь? — не выдержал Лёха.

Алкок вздохнул.

— Про пузырь, молодой человек, я вам ничего не скажу. Потому что это не история. Это шутка. Мы с джентльменами иногда шутим в клубе, что футбол начался с того, что кто-то что-то перекинул через Вал Адриана. Но это не документировано. Это байка. Понимаете? — он посмотрел на Лёху с видом учителя, объясняющего что-то нерадивому ученику. — Байка.

— Но она же могла быть правдой? — Лёха не сдавался.

— Могла, — согласился Алкок. — Как и многое другое. Но у нас, в Футбольной ассоциации, принято опираться на документы. Мы, знаете ли, пишем правила. И если правила написаны, значит, они существуют. А если они не написаны, то и говорить не о чем. — Он поднял блокнот. — Вот тут, например, я сейчас записываю регламент нашего будущего матча. И это документ.

Он сказал это с такой любовью, что Лёха на секунду даже забыл про пузырь.

— А можно взглянуть? — вдруг спросила Алиса.

Алкок поднял бровь.

— Зачем?

— Ну... — Алиса замялась. — Я тоже пишу. В блокноте. Разное. Мне просто интересно, как у вас это устроено.

Алкок усмехнулся и протянул ей блокнот. Алиса взяла. Полистала. И вдруг замерла.

— Что тут у вас... — начала она, но Алкок перебил её:

— Страница шестьдесят два. Да. Я вижу, вы нашли.

— Тут написано «правило семь. Стороны обмениваются после перерыва, если...» — Алиса подняла взгляд. — Это что, черновик правил на матч?

— Именно, — Алкок забрал блокнот. — И я бы предпочёл, чтобы он не покидал моих рук. Извините, но это, как я уже сказал, документ.

— Мистер Алкок, — Егор подался вперёд, — а можно вопрос из чистого академического интереса?

— Можно.

— Если первый матч не состоялся в марте из-за мороза, и вы перенесли его на две недели... вы уверены, что он вообще состоится? Пять встреч вы уже провели. Вам не кажется, что это слишком много для «первого матча»?

Алкок помолчал.

— Вы, я вижу, знаете больше, чем хотите показать, — сказал он тихо. Потом посмотрел на небо. Потом на Егора. — Матч состоится. В ноябре. Ноябрьская дата — официальная. Это будет первый официальный международный матч. А *versus* игры — это, как бы сказать... — он поискал слово. — Черновики. Как в моём блокноте. Мы пишем и переписываем, пока не получится так, чтобы вошло в историю.

— А зачем вам переписывать? — спросила Соня, которая до этого молчала.

Алкок улыбнулся.

— Затем, что историю пишут не те, кто играет. Историю пишут те, кто ведёт записи. — Он поднял блокнот. — Вот здесь. Вот этими руками. И вот этой ручкой. Поэтому, — он посмотрел на всех по очереди, — я вас попрошу уйти. Вы, простите, кто угодно, но вы не из моего времени. Это видно. И я не хочу, чтобы из-за вас мне пришлось переписывать то, что уже написано.

Пауза.

— Мы уходим, — сказал Макс, наконец подав голос. — Прямо сейчас. — Он шагнул вперёд, взял Лёху за плечо и развернул. — Спасибо за разговор, мистер Алкок.

— Подождите, — Алкок вдруг шагнул следом. — Один вопрос. Только один.

Макс остановился. Обернулся.

— Кто из вас писал правила? — Алкок смотрел на них внимательно. — Кто вообще придумал, что стороны нужно менять после перерыва? Это ведь ваша идея. Я вижу, как вы смотрите. Вы знали это заранее. Откуда?

Все замерли.

И тут Лёха, который до этого стоял молча, вдруг сказал:

— Я придумал.

Все обернулись к нему.

— В детстве, — продолжил Лёха спокойно. — Когда мы играли во дворе. Было ветрено, и одна команда всегда играла против ветра. И я предложил меняться сторонами. Чтобы было честно. — Он посмотрел на Алкока. — А вы записали это в блокнот. И теперь это правило. Получается, я тоже придумал футбол. Ну, немножко.

Алкок молчал. Потом медленно кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Считайте, что я вас запомнил.

— Как? — не понял Лёха.

— В блокноте, — Алкок похлопал по обложке. — Я же говорил: историю пишут те, кто ведёт записи. — Он посмотрел на Лёху с лёгкой усмешкой. — Так что, молодой человек, вы только что попали в мои черновики. Надеюсь, вам это не помешает.

И он пошёл прочь — по снегу, в сторону построек, не оглядываясь.

Отряд остался стоять на месте.

— Он нас записал, — сказала Алиса.

— Он нас записал, — подтвердил Егор.

— Он записал Лёху, — уточнила Соня. — Того самого Лёху, который собирался спросить про пузырь.

— Так, — Лёха выглядел озадаченным. — Это плохо?

Макс вздохнул.

— Это значит, что нам нужно уходить. Быстро. Потому что если он уже записал нас в блокнот, то дальше он может начать задавать вопросы. А у нас нет ответов, которые можно записать.

Кот, всё это время сидевший в стороне и наблюдавший за всей сценой, поднялся и произнёс:

— Вот поэтому я и не разговариваю с людьми, которые ведут блокноты. В девятьсот сороковом у меня был такой друг. Он тоже всё записывал. Потом оказалось, что он — летописец. И про меня там написано, что я «говорящий кот, подозрительной наружности». Представляете? «Подозрительной наружности». Я до сих пор не могу этого забыть.

— Кот, — Алиса посмотрела на него, — ты сейчас серьёзно?

— Абсолютно, — кот пошёл к выходу с поля. — Идёмте. Пока этот ваш Алкок не вернулся с новым блокнотом. Мне не нравится, как он смотрит.

Они пошли за котом — к краю поля, туда, где стояли деревья и где, по расчётам Макса, можно было прыгнуть обратно, не привлекая внимания.

Никто из них не заметил, что на противоположной стороне поля — там, где вчера они впервые появились, — снег вокруг одного места был примят. Словно там кто-то стоял. Долго. И ушёл совсем недавно.

А ещё никто не заметил, что в блокноте Чарльза Алкока, на странице шестьдесят три, уже было написано: «1900 год. Париж. Вторые Олимпийские игры. Футбол — показательный вид спорта. В правилах зафиксирован обмен сторонами после перерыва. Автор правила — неизвестен. Молодой человек из Шотландии, имени не назвал».

И в самом низу, мелким почерком: «Проверить. Возможно,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.